

Ева Зими́на

ФИКТИВНАЯ
НЕВЕСТА
ЛЕДЯНОГО
ДРАКОНА

Ева Зимина
Фиктивная невеста
ледяного дракона
Серия «Драконы Севера», книга 1

*<https://litres.ru/74041203>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Один неснимаемый браслет — и моя жизнь летит под откос.

Я всего лишь реставрировала фамильную реликвию герцога Вальдера. Но древнее серебро само защёлкнулось на моём запястье — на глазах у свидетелей. Теперь весь двор уверен: безродная мастерица — невеста ледяного дракона Севера.

Сам герцог в ярости. Я в ужасе. Выход один: фиктивная помолвка до зимнего солнцестояния, когда браслет можно будет снять. Договор на семь пунктов. Пункт седьмой: никаких чувств.

Вот только браслет чувствует ложь и теплеет от правды. А у меня слишком много секретов: запретный дар огня, сгоревшая мастерская отца и враг, который смотрит на меня слишком пристально.

И ещё — сердце, которое не читало седьмой пункт.

Содержание

Глава 1. Случайная метка	4
Глава 2. Семь пунктов договора	12
Глава 3. Правила Нордхольма	19
Глава 4. Уроки для невесты	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ева Зимина

Фиктивная невеста ледяного дракона

Глава 1. Случайная метка

Утро, в которое моя жизнь полетела под откос, началось с запаха гари.

Я подскочила на узкой кровати в комнатке над лавкой, готовая тушить, прятать, отпираться, — и только потом сообразила: горело не у меня. Сосед-пекарь опять передержал противень. Обычное дело для улицы Жестянщиков, где всё немного подгоревшее: хлеб, репутации, надежды.

Я выдохнула и разжала кулаки. На ладонях гасли крошечные искры — рыжие, тёплые, живые. Мои. Те самые, за которые в нашей славной империи полагается Обитель Пепла и клеймо на запястье.

— Спим дальше, — велела я искрам, и они послушно нырнули под кожу.

Скрывать дар я научилась в пятнадцать, за одну ночь, когда он проснулся и спалил занавеску. Отец тогда не ругался. Отец молча затёр коготь, сел напротив и сказал: «Запомни,

Мира. Огонь — это не то, что ты делаешь. Это то, что ты есть. А того, что ты есть, империя боится больше всего».

Отца не было в живых уже три года, а я всё ещё просыпалась по его правилам: проверить руки, проверить дыхание, проверить, не пахнет ли от меня дымом.

Внизу ждала лавка. «Лорин: артефакты и реставрация» — облупленные золотые буквы на тёмной вывеске. Когда-то к отцу записывались за месяц. Теперь я перебивалась починкой амулетов от моли и продажей светильников, которые честно отработывали полгода и гасли навсегда.

А ещё внизу, на прилавке, лежало письмо. Я не убрала его вчера — наверное, надеялась, что за ночь оно устыдится и сгорит само.

«Контора "Гарвен и сыновья" уведомляет: задолженность в размере восьмисот империалов подлежит погашению в десятидневный срок. В случае неуплаты имущество лавки будет описано и реализовано с торгов».

Восемьсот империалов. Столько лавка не приносила и за два хороших года, а хороших годов у меня не случалось давно. Долг остался от отца — точнее, от пожара, который сожрал его мастерскую, заказы и его самого. Страховая контора нашла тысячу причин не платить. Контора «Гарвен» нашла одну причину навестить меня уже через неделю после похорон.

Я перевернула письмо текстом вниз, повязала рабочий фартук и открыла лавку. Что бы ни происходило, в девять я

поднимаю решётку. Это тоже было отцовское правило, и оно держало меня лучше любых амулетов.

До полудня заглянули трое. Госпожа Випс принесла брошь-оберег, которая «жужжит не в той тональности». Студент-теоретик час листал каталог и купил карандаш. Третьим был мальчишка-посыльный: контора «Гарвен» интересовалась, помню ли я о сроках. Я ответила, что о сроках помню, а вот о вежливости в их конторе, видимо, забыли. Мальчишка ухмыльнулся и исчез.

А в четыре пополудни дверь открылась так, что колокольчик не звякнул, а захлебнулся.

Их было двое. Первый — военная выправка, серый мундир без знаков различия, цепкий взгляд, которым обычно пересчитывают выходы из помещения. Второй вошёл следом, и в лавке стало тесно.

Не потому, что он был огромен, — хотя высок он был, и плечи у него имелись такие, что дверной проём ему пришлось уважить наклоном головы. Тесно стало, потому что температура упала. Честно, ощутимо, на несколько градусов: моё дыхание вылетело облачком, а стекло витрины подёрнулось у края морозной вязью.

Чёрное пальто с высоким воротом. Чёрные волосы. Лицо из тех, что чеканят на монетах — и монетам потом холодно. И глаза: светлые, серебристо-голубые, цвета льда на большой глубине, где лёд уже не белый, а синий, и где никто никогда не плавал.

Я узнала его раньше, чем он представился. Такие лица не нуждаются в представлении — их печатают в газетах между словами «герой северной кампании» и «последний из ледяных».

Кайрен Вальдер. Герцог Севера. Дракон.

— Лавка Лорина? — голос у него оказался под стать глазам.

— Лавка Лорин, — поправила я. — Дамиан Лорин умер. Я его дочь. Чем могу помочь, ваша светлость?

Он скользнул взглядом по полкам — быстро, профессионально, как человек, который ищет конкретную вещь и привык её находить.

— Семь лет назад на аукционе конфискованного имущества ваш отец приобрёл лот номер сто четырнадцать. Шкатулка северной работы, нераспечатанная. Мне нужно её содержимое.

Лот сто четырнадцать я помнила. Отец называл его «слепым ящиком» и смеялся, что купил кота в мешке у самой казны. Внутри оказались потускневшие столовые приборы, сломанная музыкальная шкатулка и браслет — серебряный, тяжёлый, со спящим синим камнем. Красивый, но мёртвый: ни одна проверка не показала в нём ни искры магии. Отец положил его в дальний ящик со словами «пусть отлежится» — и браслет отлёживался семь лет.

— Содержимое продано по частям, — сказала я. — Кроме одной вещи. Серебряный браслет с синим камнем. Если речь

о нём.

Что-то дрогнуло в ледяных глазах. Не радость — у таких лиц не бывает радости. Скорее, окончание долгой охоты.

— О нём.

— Он был куплен законно, ваша светлость. С аукционным листом и печатью казначейства.

— Я не оспариваю покупку. Я её выкупаю. Назовите цену.

Где-то на задворках сознания пискнула самая практичная часть меня: «Восемьсот империалов! Проси восемьсот!» Я велела ей помолчать. Просить у дракона сумму своего долга — всё равно что показать ему горло.

— Сначала я его принесу, — сказала я. — Цену обсудим, когда вы убедитесь, что это та самая вещь.

Браслет лежал там же, где отец его оставил, — в нижнем ящике, в коробке, выстланной серым бархатом. Я взяла коробку, вернулась к прилавку и откинула крышку.

Дальше всё произошло очень быстро и очень медленно одновременно.

Камень, семь лет притворявшийся мёртвым, вспыхнул синим — глубоким, живым, как глаза человека напротив. Браслет шевельнулся. Я отдернула руку — поздно. Серебро текуче, по-змеиному обвилось моё запястье, и замок сомкнулся с тихим щелчком, который прозвучал в звенящей тишине лавки громче выстрела.

Вспышка света ударила в потолок. Снаружи кто-то вскрикнул, в окно прилипли два любопытных лица, военный

в сером мундире шагнул вперёд, наполовину вытащив клинок.

А я стояла и смотрела на своё запястье, где синий камень бился мягким светом — в такт моему обезумевшему сердцу.

— Дарек, — очень тихо произнёс герцог. — Закрой дверь.

Дверь закрылась. Щёлкнул засов. Любопытные лица за стеклом расплющились ещё любопытнее.

— Снимите его, — сказал герцог.

— С удовольствием.

Я дёрнула браслет. Потом ещё раз. Потом подцепила замок реставрационным крючком, прошлась размыкающим амулетом, капнула растворителем для фиксирующих чар — на запястье осталось холодное серебро и полное равнодушие к моим усилиям. Камень светился ровно и, могу поклясться, самодовольно.

— Он не снимается, — констатировала я очевидное.

— Я вижу.

Герцог обошёл прилавок. Вблизи холод, шедший от него, ощущался как открытая дверь в погреб. Он взял мою руку — пальцы у него оказались ледяные и неожиданно осторожные — и повернул запястье к свету. Я почувствовала, как браслет потеплел. Самую малость. Как будто обрадовался.

— Знаете, что это? — спросил герцог, не поднимая глаз.

— Артефакт минимум третьего круга, северная школа, возраст не меньше четырёхсот лет, — отбарабанила я. — Назначение неизвестно. До сегодняшнего дня считала его пу-

стышкой.

— Это браслет Первой невесты. Семейная реликвия дома Вальдеров, украденная из Нордхольма двадцать лет назад. — Он наконец посмотрел на меня, и мне захотелось накинуть шаль. Две шали. — По традиции его надевают избраннице главы дома в день помолвки. Считается, что браслет сам узнаёт ту, что предназначена.

В лавке стало очень тихо. Слышно было, как за стеклом перешёптываются зеваки и как у меня в ушах стучит кровь.

— Снимается он только в святилище Сердца Севера, в ночь зимнего солнцестояния, — продолжил герцог тем же ровным тоном, каким, наверное, зачитывают приговоры. — До той поры — никак. Я проверял. Двадцать лет назад его пытались снять с воровки четыре мастера. Браслет сломал им инструменты и терпение, а потом уснул.

— Солнцестояние через семь недель, — услышала я собственный голос.

— Да.

— И всё это время он будет у меня на руке.

— Да.

— Браслет. Невесты. Вашего дома.

— Вы быстро считаете, госпожа Лорин.

Капитан у двери издал звук, подозрительно похожий на сдавленный кашель. За окном зевак прибавилось: теперь там стояла и булочница, и оба её подмастерья, и, кажется, мальчишка из конторы «Гарвен» — вот уж кто получит сегодня

премию за новости.

Герцог Севера медленно выпустил мою руку. Посмотрел на свет в синем камне. На толпу за стеклом, которая уже не скрываясь тыкала пальцами. На меня — с выражением человека, у которого в плане на день этого пункта не значилось, но который привык перекраивать планы на ходу.

— Поздравляю, госпожа Лорин, — ледяным тоном произнёс он. — Вы только что стали моей невестой.

Глава 2. Семь пунктов договора

Городской особняк герцога Вальдера стоял в посольском квартале и выглядел так, словно его выстроили из отказов: серый камень, чёрная ограда, ни одного лишнего украшения. Даже плющ на стене рос ровными рядами, будто подписал устав.

Меня привезли туда на следующее утро в карете без гербов. Капитан Дарек всю дорогу молчал, и только у самых ворот произнёс единственную фразу:

— Не торгуйтесь с ним дольше необходимого. Он этого не выносит.

— Спасибо, — сказала я. — Значит, буду торговаться вдвое дольше.

Мне показалось, что в уголках его глаз мелькнуло что-то одобрительное. Впрочем, могло и показаться: люди герцога, как я успела заметить, выражали эмоции примерно с той же щедростью, что и их хозяин.

Кабинет оказался под стать дому: книги, карты северных провинций, ни одного портрета. Герцог стоял у окна. При моём появлении он обернулся, окинул меня взглядом — быстрым, оценивающим, как давеча полки в лавке, — и указал на кресло напротив стола.

— Садитесь. У нас мало времени и много дела.

— Доброе утро и вам, ваша светлость.

— Утро перестало быть добрым вчера в шестнадцать часов, — он сел за стол и придвинул ко мне лист, исписанный убористым почерком. — К полудню новость о помолвке Ледяного дракона знала половина столицы. К вечеру — вторая половина и, что хуже, дворец. Сегодня я получил письмо с поздравлениями от его величества и приглашением представить невесту ко двору. Отказаться невозможно. Объявить произошедшее ошибкой — тоже.

— Почему? Скажите правду: артефакт сработал сам, на случайную женщину.

— Потому что правда в данном случае хуже лжи. — Он откинулся в кресле. В утреннем свете его глаза казались почти белыми. — Вы не знаете контекста, госпожа Лорин, так что слушайте. Совет лордов второй год требует, чтобы я женился. Неженатый дракон моего возраста и моей силы считается... нестабильным. Лорд-казначей Морвейн любезно предлагает мне в жёны свою воспитанницу — а вместе с ней своих советников, своих управляющих и свой интерес к моим землям. Я отказываюсь. Пока у меня не было повода, это выглядело упрямством. Теперь повод есть: браслет Первой невесты признал избранницу. В глазах двора это решает всё. Древняя магия, воля рода, традиция. С традицией не спорит даже Морвейн.

— А когда на солнцестоянии браслет с меня свалится?

— К тому моменту сезон закончится, давление совета бу-

дет снято, а помолвку можно будет тихо расторгнуть по обоюдному согласию. Невеста не сошлась характером с Севером. Поверьте, в это поверят охотно.

Я посмотрела на своё запястье. Синий камень мерцал ровно, безмятежно, как будто не он вчера сломал мне жизнь.

— Значит, вам нужна фиктивная невеста на одну зиму.

— Мне нужна, — он выделил голосом, — убедительная фиктивная невеста на одну зиму. Это разные профессии.

— И вы решили нанять меня, потому что...

— Потому что выбора нет ни у вас, ни у меня. Браслет не снимется до солнцестояния. Всё, что мы можем, — обставить неизбежное с выгодой для обеих сторон. — Он постучал пальцем по листу. — Условия.

Я взяла лист. Почерк у герцога был как он сам: ровный, холодный, без наклона.

Пункт первый: госпожа Лорин сопровождает герцога Вальдера на всех официальных мероприятиях зимнего сезона в качестве наречённой невесты.

Пункт второй: стороны придерживаются согласованной легенды знакомства.

Пункт третий: госпожа Лорин переезжает в замок Нордхольм на весь срок действия соглашения.

Пункт четвёртый: герцог принимает на себя долговые обязательства лавки Лорин в полном объёме.

Пункт пятый: по окончании срока госпожа Лорин получает вознаграждение в размере трёхсот империалов и реко-

мендательное письмо гильдии артефакторов.

Пункт шестой: содержание соглашения составляет тайну сторон.

Пункт седьмой...

Я перечитала седьмой пункт дважды.

— «Стороны обязуются не допускать возникновения личных привязанностей», — процитировала я вслух. — Вы вписали в договор запрет на чувства?

— Я вписал в договор источник всех осложнений в подобных предприятиях. — Ни тени смущения. Полагаю, смущение у него конфисковали при рождении вместе с улыбкой. — Это деловое соглашение, госпожа Лорин. Деловые соглашения разрушаются, когда стороны начинают хотеть больше, чем подписывали.

— Не льстите себе, ваша светлость. — Я положила лист на стол. — Влюбиться в вас — всё равно что влюбиться в январь.

— Превосходно. Значит, седьмой пункт не доставит вам неудобств.

— Никаких. Но у меня правки по четвёртому и пятому.

Он приподнял бровь на миллиметр. Для его лица это, видимо, было бурной мимикой.

— Долг лавки — восемьсот империалов, — сказала я. — Но лавка стоит закрытой, пока я изображаю невесту. Это семь недель упущенного заработка, сорванные заказы и клиенты, которые уйдут и не вернутся. Вознаграждение — пять-

сот. И отдельной строкой: герцог не вмешивается в дела лавки ни сейчас, ни после. Она моя.

— Четыреста.

— Пятьсот. Вы покупаете не услуги компаньонки, ваша светлость. Вы покупаете молчание единственного человека, который знает, что помолвка Ледяного дракона — подделка. Молчание стоит дорого. Спросите у своего казначея.

Пауза. За окном ветер гнал по двору первый снег. Герцог смотрел на меня так, словно пересчитывал заново — и итог его, кажется, удивлял.

— Пятьсот, — согласился он. — И рекомендательное письмо. И, поскольку вы предпочитаете точность: если вы нарушите шестой пункт, я разорю вас быстрее, чем контора «Гарвен» успеет прислать поздравительную открытку.

— Договорились. — Я взяла перо. — Кстати о «Гарвене». Долг им лучше выплатить сегодня. Эти люди умеют превращать десять дней в три.

— Долг уже не у «Гарвена». — Он сказал это между делом, подвигая мне чернильницу, и не заметил, как я замерла. — Мои люди выкупили обязательства утром. Занятно: контора уступила долг мгновенно и дешевле номинала, хотя такие конторы скорее удавятся. Как будто кому-то было важно избавиться от бумаг до того, как ими заинтересуются.

— Что это значит?

— Понятия не имею. Пока. — Светлые глаза сузились. — Я не люблю «пока», госпожа Лорин. Оно имеет привычку

дорого обходиться.

Я обмакнула перо и подписала: «М. Лорин» — буквы вышли твёрже, чем я себя чувствовала. Герцог поставил свою подпись напротив, приложил перстень, и по бумаге пробежала голубоватая искра магической печати.

И в этот самый момент браслет на моём запястье потеплел.

Не обжёг — потеплел. Мягко, глубоко, как нагретый солнцем камень, как ладонь поверх ладони. Синее свечение на миг стало золотистым по краю.

Я вскинула глаза. Герцог смотрел на браслет. Потом — на меня. Что-то прошло по его лицу — быстрое, как трещина по льду, — и исчезло.

— Тепловой отклик на магическую печать, — ровно сказал он. — Обычное дело для старых артефактов.

— Разумеется, — так же ровно ответила я. — Обычное дело.

Мы оба солгали, и мы оба это знали. Но седьмой пункт был уже подписан, чернила высыхали, а за окном снег засыпал столицу — первый снег той зимы, которая, как честно обещал договор, должна была закончиться ничем.

— Выезжаем завтра на рассвете, — герцог поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. — Соберите тёплые вещи. Север не прощает лёгкого отношения.

— К погоде?

— Ни к чему, госпожа Лорин. Север не прощает лёгкого

отношения ни к чему.

Глава 3. Правила Нордхольма

Север начался не с границы на карте, а с тишины.

Сначала из-за окна кареты исчезли деревни. Потом — деревья, кроме сосен, чёрных и прямых, как штрихи туши. Потом снег съел дорогу, и карету сменили сани, а над санями встало небо такой высоты и чистоты, что хотелось говорить шёпотом.

Герцог почти всю дорогу работал с бумагами. Я смотрела в окно и составляла мысленный реестр: четыре заставы, два моста северной кладки, один обоз с рудой, ноль улыбок на лицах встречных. К исходу третьего дня, когда солнце уже легло на горы, сани вынесли нас на гребень холма, и я забыла про реестр.

Нордхольм стоял над замёрзшим фьордом — не стоял даже, а вырастал из скалы, словно гора однажды решила стать замком и почти преуспела. Башни из серого камня и синего льда, стены, в которых горел закат, и над самой высокой башней — медленное полотнище северного сияния, зелёное с лиловым.

— Он изо льда? — вырвалось у меня.

— Частично. — Герцог даже не поднял головы от бумаг.

— Лёд Нордхольма не тает. Его держит Сердце.

— Какое сердце?

— Узнаете. Если заслужите.

Я хотела уточнить, как заслуживают экскурсии, но сани уже влетели в ворота, и стало не до вопросов.

Челядь выстроилась во дворе двумя идеальными шеренгами. Над шеренгами поднимался пар от дыхания, и ни одно лицо не выражало ровным счётом ничего. Во главе стояла женщина лет шестидесяти — прямая, как клинок, в сером платье с связкой ключей на поясе. Взгляд у неё был такой, что я машинально проверила, чистые ли у меня сапоги.

— Гретта, домоправительница, — представил герцог. — Гретта, это госпожа Лорин. Моя невеста.

По шеренгам прошло движение — не шёпот даже, а его тень. Гретта присела в безупречном поклоне, выпрямилась и оглядела меня с головы до ног со скоростью таможенного досмотра.

— Добро пожаловать в Нордхольм, госпожа, — сказала она голосом, которым обычно сообщают о заморозках. — Ужин в восемь. Завтрак в семь. Опоздавших не ждут.

— Договорились, — кивнула я. — А обед?

— Обед заслуживают.

Северное гостеприимство, поняла я, было местной разновидностью спорта. Что ж. Я выросла на улице Жестянщиков. У нас спортом было выживание, и я держала первый разряд.

Комнаты мне отвели в восточной башне: спальня, гостиная, гардеробная размером с мою бывшую лавку и вид на фьорд, от которого перехватывало дыхание. Камин горел —

но горел как-то стерильно, ровным синеватым пламенем, не дававшим ни искры, ни запаха дыма.

— Холодный огонь, — пояснила Гретта, перехватив мой взгляд. — Алхимический. Живого пламени в Нордхольме не жгут.

— Почему?

— Потому что так заведено. — Она помедлила и добавила, уже у двери: — И потому что лёд этого дома не любит огня, госпожа. Запомните это. Целее будете.

Дверь закрылась. Я села на кровать и посмотрела на свои ладони, под кожей которых жил тот самый огонь, которого не любит этот дом.

— Семь недель, — сказала я ладоням. — Ведите себя прилично семь недель, и мы вернёмся домой.

Ладони не ответили. Браслет на запястье мерцал ровно и, как мне почудилось, насмешливо.

Правила замка мне выдали вечером, письменно, почерком Гретты, похожим на изморозь: где можно ходить, где нельзя, когда подают ужин, как обращаться к слугам. Последний пункт был подчёркнут дважды: «Западное крыло закрыто. Вход воспрещён без исключений».

За ужином — длинный стол, два прибора в разных концах, гулкая тишина — я спросила про крыло у герцога.

— Это не обсуждается, — ответил он, не отрываясь от супа.

— Я спросила не «можно ли», а «почему». Я реставратор,

ваша светлость. Запертые двери — моя профессиональная слабость.

Он поднял глаза. В свете холодного огня они отливали сталью.

— Не подходите к западному крылу. Никогда. Это единственное правило этого дома, за нарушение которого договор будет расторгнут без выплат. Я понятно излагаю?

— Предельно.

— Хорошо. — Он вернулся к супу, помолчал и вдруг добавил, тише: — Там нет ничего ценного, госпожа Лорин. Там есть только то, чему лучше оставаться запертым.

Ночью я не могла уснуть.

Сначала думала — с непривычки: слишком тихо, слишком просторно, простыни пахнут морозом и лавандой. Потом поняла: браслет. Он не светился — он тянул. Мягко, настойчиво, как ребёнок за рукав: туда, туда, туда.

Я честно боролась четверть часа. Потом накинула шаль, взяла свечу — настоящую, из своего багажа, с живым огоньком — и вышла в коридор.

Браслет вёл уверенно: вниз по лестнице, через галерею, где со стен смотрели заиндевелившие портреты людей с одинаково светлыми глазами, мимо доспехов, в которых отражалась моя свеча. И остановил меня перед дверями — двустворчатыми, тёмного дерева, перетянутыми поперёк полосой синего льда, как печатью.

Западное крыло.

Лёд на двери был старый, слоистый, и внутри него... Я подняла свечу выше. Внутри льда вились морозные узоры, и они двигались. Медленно, едва заметно — расходились и сходились, расходились и сходились, словно дверь дышала. Словно за ней спало что-то огромное, и лёд был его рёбрами.

Я протянула руку — не к двери, просто ближе, — и узоры подались навстречу моему теплу, как подсолнухи к солнцу. Браслет на запястье разгорелся синим. Из-под двери потянуло не холодом — тоской. Я не знаю, как ещё назвать это чувство: будто стоишь у двери, за которой кто-то очень давно ждёт, и уже забыл, чего.

— Вы быстро осваиваетесь.

Я подпрыгнула. Свеча выпала; герцог поймал её на лету — пламя при этом съёжилось, но выжило. Он стоял в трёх шагах, без камзола, в одной рубашке, словно холод был ему домашней одеждой. И смотрел не на меня — на дверь, на дышащие узоры во льду.

— Браслет привёл, — честно сказала я. — Я не открывала.

— Я знаю. Открыть её вы не смогли бы. — Он отдал мне свечу. Пальцы у него были ледяные, а взгляд — усталый, как у человека, которого подняли не от сна, а от бессонницы. — Возвращайтесь к себе, госпожа Лорин.

— Что там, за дверью?

Он молчал так долго, что я решила: не ответит. Узоры во льду расходились и сходились. Расходились и сходились.

— Зима, — сказал он наконец. — Там зима, которая не закончилась. Идите спать.

Утром, спустившись к завтраку ровно в семь, я обнаружила на столе письмо с золотым обрезом и печатью в виде солнца. Гретта стояла рядом с видом барометра, предвещающего бурю.

— Из дворца, — сказал герцог, вскрывая печать. Пробежал глазами, и его лицо, и без того не южное, похолодело ещё на пару широт. — Его величество переносит зимний бал. Через двенадцать дней мы обязаны быть в столице. — Он поднял на меня взгляд. — Двенадцать дней, чтобы сделать из вас герцогиню, госпожа Лорин. Надеюсь, вы быстро учитесь.

— А если нет?

— А если нет, нас обоих съедят. — Он сложил письмо. — На балу будет весь двор. Включая лорда-казначея Морвейна. Запомните это имя. Из всех людей империи он единственный, кто станет искать в нашей помолвке трещину. И единственный, кто умеет находить.

Глава 4. Уроки для невесты

Следующие дни Нордхольм дрессировал меня, как породистого щенка.

С утра — этикет с Греттой: семнадцать видов поклонов, старшинство титулов, какой вилокй едят северного лосося и почему герцогине не положено говорить «ага». После обеда — легенда. Мы с герцогом сочинили её вдвоём, как два фальшивомонетчика: познакомились полгода назад, когда его светлость инкогнито заказал в моей лавке реставрацию фамильного артефакта. Долгая переписка. Сдержанная симпатия. Браслет лишь подтвердил то, что уже случилось.

— Лучшая ложь, — заметил герцог, — на четыре пятых состоит из правды. Артефакт, лавка, переписка — всё проверяемо. Непроверяема только симпатия.

— Её-то Морвейн и будет проверять.

— Именно. Поэтому репетируем симпатию.

Репетировать симпатию с Кайреном Вальдером оказалось занятием, достойным отдельной баллады. Он подавал мне руку так, словно конвоировал государственную преступницу. Я улыбалась ему так, что у самой сводило скулы. Гретта наблюдала за нами с выражением человека, которому предстоит продавать этот спектакль публике, и публику ей было заранее жаль.

— Безнадёжно, — вынесла она вердикт на третий день.
— Ваша светлость, вы смотрите на невесту как на рапорт о недоимках. Госпожа, вы держите его руку как горячую ко-
чергу.

— Потому что он холодный, — огрызнулась я. — У меня пальцы стынут.

— А у меня от вас ладонь третий день как обожжённая,
— парировал герцог. — Я списывал это на ваш характер.

Мы уставились друг на друга. Гретта переводила взгляд с него на меня, и в её глазах барометра впервые показалось что-то, кроме бури. Что-то подозрительно похожее на инте-
рес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.